

https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2009/4/ochen-lichnaya-kniga-2.html

Сойфер В. Очень личная книга: Воспоминания о великих российских ученых Сергее Четверикове и Николае Тимофееве-Ресовском [опубликовано: Новый Мир. 2009. № 4]. – 10.08.2020 // Журнальный зал: — литературный интернет-проект, представляющий деятельность русских толстых литературно-художественных и гуманитарных журналов, выходящих в России и за рубежом: [сайт]. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2009/4/ochen-lichnaya-kniga-2.html (дата обращения: 12.12.2021). – Режим доступа: раздел «Журналы», подраздел «Новый Мир», «2009», «№ 4». – Окончание. Начало см.: там же № 3 https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2009/3/ochen-lichnaya-kniga.html.

Опубликовано в журнале Новый Мир, номер 4, 2009.

Окончание. Начало см.: «Новый мир», 2009, № 3.

ОЧЕНЬ ЛИЧНАЯ КНИГА

Воспоминания о великих российских ученых Сергее Четверикове и Николае Тимофееве-Ресовском.

Валерий Сойфер

Четвериков диктует мне примечания к работе 1926 года

Вернувшись в Горький из Миассово, где идеи Четверикова так часто упоминались Тимофеевым-Ресовским и столь ярко были им обрисованы, я снова с жаром стал рассуждать о них, и Сергей Сергеевич сказал мне, что какие-то положения его работы 1926 года нуждаются сегодня в уточнениях и пояснениях. Я стал его уговаривать продиктовать авторские примечания и дополнения к его ставшему классическим труду, с тем чтобы позже попытаться напечатать полный текст с новыми примечаниями. Я уже не раз и раньше заводил об этом речь, но, возможно, сейчас рассказ о лекциях Тимофеева и его многократных ссылок на открытия Четверикова сыграли свою роль. Я получил согласие на то, чтобы начать работу над дополнениями.

Мы немедленно (шли первые дни августа) приступили к работе. Я сел за стол рядом с кроватью Четверикова, разложил перед собой листы чистой бумаги и оригинальный отпечаток работы 1926 года. Я читал абзац за абзацем вслух, а Сергей Сергеевич останавливал меня в тех местах, где он хотел что-то пояснить или уточнить. Сначала я сделал очень грубый перечень мест, в которых ему хотелось что-то изменить, дополнить или исправить, а потом записал двенадцать текстовых дополнений и шесть мелких примечаний, к тому же были заменены некоторые слова.

Оставшись довольным тем, как у нас пошла работа с записью замечаний, Сергей Сергеевич согласился и еще на один мой план: продиктовать свои воспоминания о детских и юношеских годах, об учебе в университете и о начале своей революционной деятельности.

В конце августа я уехал в Москву, где с 1 сентября начинались занятия в университете. Я перепечатал на пишущей машинке, данной мне на время Андреем Маленковым, все примечания и дополнения, сделал фотокопии всех страниц оригинальной статьи, пометил на них ручкой места, где нужно было добавить постраничные примечания, вклеил полоски бумаги с четко написанным текстом маленьких дополнений и с этим отправился в редакцию «Бюллетеня Московского общества испытателей природы (МОИП)» к одному из редакторов этого журнала — профессору В. О. Цалкину с просьбой: нельзя ли будет напечатать в каком-то из выпусков журнала статью Четверикова, ставшую библиографической редкостью, но часто цитируемую и в наши дни, с добавленными новыми примечаниями. Я получил согласие редактора на то, чтобы включить эту работу в выпуск, посвященный 100-летию выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина, готовившийся к публикации в августе 1959 года.

Я тут же известил Сергея Сергеевича телеграммой о таком решении и получил в ответ следующее письмо:

ГОРЬКИЙ, 2 ноября, 1958 г.

Дорогой Валерий Николаевич

Вчера получил Вашу телеграмму и на радостях ответил Вам тотчас же открыткой [1], а теперь хочу написать Вам подробнее.

Прежде всего: я Вашу телеграмму понял так, что МОИП будет печатать всю мою работу вместе с примечаниями. Так? — Во-вторых, раз дело становится на реальную почву, надо будет внести некоторые поправки. Как Вы будете печатать? Перепишете ли всю работу целиком на машинке или будете набивать работу с печатного текста? Теперь вот какие поправки приходят мне в голову:

1. На стр. 40 в самой её середине напечатано «ждать 1/N поколений», следует «ждать N поколений».

2. В списке литературы неверно дано заглавие работы Н. Тимофеева-Ресовского (1926) Журн. Экспер. Биологии, Т. 1. «Исследование по фенотипному проявлению наследственных факторов». Это заглавие надо вычеркнуть и заменить тем, которое фактически напечатано в указанном месте (я его не помню). Это произошло потому, что к моменту составления мною списка работа Тим. Рес. еще не была напечатана, и я привел то заглавие, которое носила его неполная работа. При печатании же было решено заглавие изменить, но в своем списке я этого не сделал.

3. Не знаю, будет ли перепечатываться и английское Summary. Если решат это перепечатывать, то надо несколько изменить самое название работы. Как мне указывали несколько лиц, английское название работы следует формулировать так: «On some aspects of the process of evolution from the standpoint of modern genetics», и вообще было бы очень хорошо, если бы какой-либо «компетентный англичанин» проредактировал весь английский текст.

Вот пока мои пожелания. Если появятся последующие исправления, то своевременно извещу Вас о них для корректуры.

И наконец, вот какое дело. Если Вы будете у Андрея Андреевича Бунделя, то спросите у него находящийся у него же экземпляр моей работы, а я со своей стороны сейчас пишу А. А. Бунделю, чтобы в случае Вашего прихода он бы этот экземпляр Вам передал.

Вот пока все мои пожелания. Еще раз выражаю величайшую радость по поводу сообщения, содержащегося в Вашей телеграмме, и если не говорю до сих пор «гоп», то только по закоренелой старческой привычке пессимиста. <...>

Сегодня у нас чудесный день. С раннего утра совершенно чистое голубое небо и по-летнему ярко светит солнышко. Утром температура была 0, а сейчас два градуса. Чувствую себя на «удовлетворительно» и о большем не мечтаю.

Конечно, с большим нетерпением буду ждать дальнейших от Вас вестей. Ведь всё это все-таки моя «лебединая песнь».

Шлю через Вас мой сердечный привет всем, кто меня помнит добром, и особенно Вашим ближайшим друзьям. Будьте счастливы и крепко, крепко жму Вам руку!!

Искренне Вам преданный С. Четвериков.

P. S. Имейте, пожалуйста, в виду, что А. А. Бундель с 6-го числа на все праздники улетает куда-то на юг и что дела с ним можно делать либо до этого срока, либо уже после 9-го числа.

Слова «Искренне Вам преданный С. Четвериков» написаны рукой Сергея Сергеевича, и им же фамилия Четвериков была подчеркнута.

Известие о возможности публикации его главной работы сильно взволновало Сергея Сергеевича, хотя он еще в письме от 31 октября выражал сомнения в том, что это все пройдет

без сучка и задоринки («я старый пессимист и очень твердо помню украинскую поговорку: «Не кажи гоп, пока не перескочишь!», а потому молчу и «гоп» не говорю»).

Затем он продиктовал брату новое длинное письмо ко мне, в котором добавил еще несколько замечаний к подготавливаемому для публикации тексту. Он, несомненно, жил в те дни думами о своем труде, вспоминал разные моменты в написанной им тридцатью годами раньше статье и старался исправить все упущения. Он писал:

ГОРЬКИЙ, 5 ноября 1958 г.

Дорогой Валерий Николаевич

Вчера получил Ваше письмо с подробным описанием прохождения вопроса о моей статье в редколлегии Бюллетеня МОИП. Конечно, было приятно узнать от Вас и самый факт принятия рукописи, и то, что это принятие не встретило серьезных затруднений.

Совсем недавно я писал Вам достаточно подробно и к тому, что написано, прибавлю лишь немного. В конце Вашего письма Вы просите моего согласия на то, чтобы поручить Вам дальнейшее оформление рукописи и все хлопоты по продвижению её в печать. Дорогой Валерий Николаевич, я не только согласен с Вашей просьбой, но делаю это с величайшей радостью и с чувством огромной благодарности к Вам.

В связи с уже выясняющимися перспективами судьбы моей работы необходимо будет переделать то коротенькое предисловие, которое я ей предпосылаю; необходимо в этом предисловии выразить глубокую признательность МОИПу за согласие на напечатание работы и в то же время выразить Вам, дорогой Валерий Николаевич, мою искреннюю признательность за все хлопоты по осуществлению этого дела. На последнем я буду настаивать самым категорическим образом и заранее заявляю, что никаких отговорок принимать не буду!

С большим нетерпением буду ждать дальнейших вестей от Вас как о дальнейших судьбах моей работы, так и о Вашей жизни и учебе <...>

Итак, дорогой Валерий Николаевич, смело в путь! Будем надеяться, что хорошее начало приведет и к хорошему концу. И примите за всё, что Вы сделали и еще будете делать для меня, мою самую горячую, искреннюю благодарность!!

Искренне Вам преданный С. Четвериков.

Последняя фраза написана рукой С. С. Четверикова (и им же подчеркнута его фамилия).

Слова Сергея Сергеевича о том, что он собирается написать предисловие к новому изданию и хочет особо отметить мою роль в его подготовке, меня откровенно напугали. Я прекрасно понимал, что классическая работа, изменившая многие представления в биологии, каковой являлась статья Четверикова 1926 года, исключительно важна, и мне казалось, что было бы нескромно

с моей стороны выступать в каком угодно качестве в связи с его статьей.

Я написал Сергею Сергеевичу, что категорически против того, чтобы он называл мое имя. Видимо, мои возражения были достаточно решительными, и в ответ я получил через 10 дней от него такое письмо:

ГОРЬКИЙ, 16 ноября 1958 г.

Дорогой Валерий Николаевич

Спасибо Вам за Ваше письмо от 11 ноября с/г и за те добрые вести, которые в нем содержатся, а что касается дурных, то надо стараться, чтобы их больше не было!

А к числу последних я прежде всего отношу то, что Вы нервничаете, не спите по ночам и вообще чувствуете себя не в своей тарелке, а это совсем Вам не годится, особенно учитывая все обстоятельства Вашей жизни...

Мое письмо начну прямо с конца Вашего. Вы там очень энергично отвергаете мое желание поблагодарить Вас в предисловии за все Ваши хлопоты по переизданию моей работы и даже грозитесь употребить против меня «насилие», но, милый, дорогой Валерий Николаевич! — ведь я меньше всего хочу сделать что-либо Вам неприятное, и если Вы

этого не хотите, то я, конечно, этого и не сделаю; ведь я просто чрезвычайно Вам благодарен и хотел выразить это в предисловии, но меньше всего я хочу сделать что-либо Вам не по душе, всё равно из чего бы Вы ни исходили. Раз Вы говорите «нет!» то значит нет! И спорить с Вами я ни в коем случае не буду, особенно принимая во внимание решительный тон Вашего письма. Так вот, дорогой, я только еще раз Вас крепко, крепко обнимаю и от всей души благодарю и надеюсь, что и в дальнейшем Вы не оставите меня без Вашей помощи!!.

Ну а вот с этим я уже решительно не соглашусь — Вы пишете: «Вы, наконец, сказали «гоп!» Нет, нет никак — «гоп» не говорил и ни за что не скажу до тех пор, пока Вы или кто-либо другой не поклянется мне в том, что своими глазами видел напечатанной мою работу. А ведь до этого еще ой-ой как долго: во-первых, надо, чтобы август месяц наступил, а во-вторых, надо, чтобы к августу месяцу статью напечатали, в-третьих, надо, чтобы я до этого времени дожил и, наконец, надо, чтобы Москва к этому сроку не перевернулась вверх дном! Вот видите, дорогой Валерий Николаевич, как далеко до «гоп»'а! — а Вы написали, будто я это сказал. Чур, чур, чур меня!!

Еще несколько слов по поводу Вашего письма. Относительно Шпемана замечу, что одна из его работ была напечатана по-русски, кажется, в тех же «Успехах экспериментальной биологии», и на неё можно сослаться в моем тексте. Где искать Гольдшмидта — не помню, но это приблизительно в начале 20-х годов.

Посылаю Вам маленькое дополнение к «Моим воспоминаниям», а также переделанное Предисловие к моей генетической работе. Если в последнем Вам или МОИПу (что-то. — В. С.) покажется неподходящим, то уполномочиваю Вас переделать это, как только это Вы найдете нужным, а если понадобится моя подпись, то перешлите переделанную рукопись сюда, в Горький.

Что же касается моих фотографий, то об этом решайте с братом; ведь я ничего не вижу и где какая моя фотография, понятия не имею. Насколько я помню, фотографий, относящихся ко времени моих воспоминаний, почти нет.

Вот и все наши дела. Здесь, в Горьком, у нас всё спокойно, никто воды не замутит, и ждем надвигающейся зимы. Самочувствие мое по-прежнему, по-прежнему же продолжаются мои уроки немецкого языка.

Очень интересует меня, удастся ли перепечатать на машинке «Мои воспоминания». Мне бы хотелось послать их в Швейцарию моей сестре, ведь значительная часть описанных мной событий моей жизни прошли тогда, когда она была совсем крошкой, и, конечно, никаких собственных воспоминаний о том времени у неё не осталось. Если Вам удастся напечатать «Воспоминания» в трех экземплярах, то самым справедливым по совести распределением этих экземпляров будет такое: один — Андрею Андреевичу, один — Вам и один — мне. Об остальном мы позаботимся сами.

Конечно, очень досадно, что потерялся оттиск работы, взятый Вами из библиотеки МОИПа. Как это могло случиться? Если действительно удастся напечатать работу, то экземпляр, взятый у А. А. Бунделя, надо будет вернуть в библиотеку МОИПа. Ведь у Вас будет в руках новое издание.

Очень большое Вам спасибо за всю массу приветствий и поклонов, о которых Вы пишете в Вашем письме; особенно меня тронул, конечно, привет от Игоря Евгеньевича Тамма, ведь он меня лично не знает, а знает лишь по ученикам и друзьям, и его привет мне особенно приятен. Впрочем, должен оговориться, что и все остальные перечисленные Вами лица мне дороги и дружны, и всем, всем, всем шлю мое горячее спасибо и еще более горячее ответное приветствие, а Вам, дорогой Валерий Николаевич, спасибо в особую. Желаю Вам прежде всего душевного спокойствия и благоприятного течения жизненного пути!! Крепко, крепко, очень крепко жму Вам дружескую руку. Брат шлет Вам свой привет! Всего хорошего!!.

Преданный Вам С. Четвериков.

Последняя фраза написана рукой С. С. Четверикова, и им же подчеркнута фамилия.

В письмо были вложены две страницы предисловия к переизданию работы 1926 года, которые я здесь привожу.

Предисловие к работе по генетике

Летом 1958 года группа московских студентов обратилась ко мне с просьбой поручить им хлопоты по переизданию моей генетической работы «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики», напечатанной в журнале «Успехи экспериментальной биологии», серия А, том II, в. I, 1926 г. Эта их просьба была вызвана тем, что указанная работа, вышедшая более 30 лет тому назад и сначала очень сочувственно встреченная такими крупными биологами, как профессор Н. К. Кольцов (цитология), профессор А. П. Павлов (палеонтология), профессор А. Н. Северцов (сравнительная анатомия) и нек. друг., затем по не зависящим от нее обстоятельствам почти никем не упоминалась и не цитировалась в пределах нашего Союза; за границей же она встретила широкий отклик. Только спустя более 25 лет упоминания о моей работе стали встречаться в советской печати, а вместе с тем возрос и интерес к ней, особенно среди молодежи. Но за этот долгий промежуток времени журнал и моя работа, напечатанные малым тиражом, совершенно разошлись и стали почти библиографической редкостью. А между тем вопросы, затронутые мною, продолжают живо интересовать и волновать биологов.

Поэтому я с большой готовностью согласился на это предложение, оговорив только условием, что мною будут даны необходимые дополнения и комментарии; ведь за истекшие 30 лет после появления работы наука далеко двинулась вперед, некоторые вопросы, тогда неясные или спорные, за это время получили свое разрешение. Эти дополнения необходимо было внести в статью, но в общем можно сказать, что целый ряд вопросов и положений, высказанных мною более 30 лет тому назад, и до сих пор сохранили свою актуальность и теоретическую ценность; поэтому я считаю, что переиздание работы при наличии необходимых комментариев и дополнений является целесообразным, и я охотно дал на него свое согласие. Текст первого издания сохранен полностью, все же добавления вставлены либо в подстрочных примечаниях, либо прямо в текст, причем эти добавления взяты в прямые скобки.

Считаю своим приятным долгом искренне поблагодарить Московское общество испытателей природы и его президиум за согласие взять на себя печатание моей работы, и особенно мне приятно было решение Общества поместить её в номер Бюллетеня, посвященный столетию со времени опубликования работы Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора».

Хочется также искренне поблагодарить моих друзей-студентов за те хлопоты, которые они приняли на себя по оформлению рукописи и по передаче её Обществу для напечатания.

С. Четвериков.

Очевидно, что все эти дни Четвериков жил мыслями о будущей публикации. В длинном письме А. А. Бунделю от 13 ноября 1958 года он писал ему: «Получил радостное известие от моего студента (В. Н. Сойфера) о том, что ему удалось пристроить для печати основную генетическую работу («О некоторых моментах» и т. д.) в «Бюллетенях Московского общества испытателей природы». Я написал к ней ряд замечаний и комментариев, и ее обещали напечатать в специальном выпуске Бюллетеня, который выйдет в память о столетии со дня опубликования «Происхождения видов» Ч. Дарвина. Этот номер Бюллетеня обещают выпустить в августе месяце, может быть, я и доживу...» [2].

В сентябре и начале октября 1958 года я неоднократно ездил с Ленинских гор в центр Москвы на улицу Герцена в Зоологический музей, где размещался кабинет ученого секретаря Общества испытателей природы, выполняя его разные требования по подготовке статьи к печати. Я привез ему новое предисловие и услышал еще одну просьбу — срочно получить от кого-то из видных генетиков рецензию на эту работу, причем в ней должны содержаться как твердая рекомендация относительно ее переиздания, так и аргументы, объясняющие

необходимость ее опубликования через более чем 30 лет после появления в печати. Без этого, как мне было заявлено, вряд ли удастся включить ее в номер, посвященный 100-летию выхода «Происхождения видов» Дарвина.

Я позвонил Борису Львовичу Астаурову, который незадолго до этого стал членом-корреспондентом АН СССР, и спросил, может ли он дать такую рецензию. Через пару дней я получил от него следующее письмо (я сохраняю орфографию этого документа, собственноручно подписанного Б. Л. Астауровым и хранящегося в копии у меня):

В редакцию журнала «Бюллетень Моск. общ. испытат. природы»,

Отдел биологический

О работе профессора С. С. ЧЕТВЕРИКОВА «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики» (1926) с «Дополнениями и примечаниями» (1958).

Работа С. С. Четверикова «О некоторых моментах эволюционного процесса...» вне всякого сомнения была и остается в области эволюционной генетики классическим произведением.

Дав более 30 лет тому назад в существенных чертах вполне правильный ответ на поставленный самим автором вопрос «как связать эволюцию с генетикой, как ввести наши современные генетические представления и понятия в круг тех идей, которые охватывают эту основную биологическую проблему», она стала поворотным пунктом, ознаменовавшим последующее органическое слияние дарвиновской теории эволюции и современной генетики.

Определив основные черты правильного сочетания теории естественного отбора и современных направлений о наследственности и изменчивости, она надолго предопределила пути генетических подходов к проблемам видообразования и явилась истоком сильных исследовательских течений, пробившихся сперва на отечественной почве, а затем разлившихся широкими потоками и по зарубежным областям.

Несмотря на значительную давность, измеряемую не только числом лет, протекших с ее издания (1926), но и стремительным прогрессом генетики, работа С. С. Четверикова, как это бывает свойственно только подлинной классике, сохранила удивительную свежесть и животворящую силу, органически слившись с идеями, составляющими плоть и кровь современной эволюционной генетики, и воспринимаясь как «свои мысли». Насколько мало она устарела, видно хотя бы из того, каких небольших поправок, дополнений и примечаний она потребовала с точки зрения самого автора.

В то же время, будучи опубликована в годы, когда наша научная пресса была еще относительно маломощна, эта работа вышла очень небольшим тиражом и, как это бывает с журнальными статьями, впоследствии не переиздавалась. Она не была также переведена на иностранные языки и известна за рубежом лишь по краткому изложению в трудах Генетического конгресса. Поэтому в настоящее время работа эта известна в оригинале буквально считаным единицам, и возможно, что некоторые из ответвлений современной эволюционной генетики сами не отдадут себе отчет, на каких корнях они выросли. Еще более печально, что благодаря имевшему место некоторое время тому назад общему спаду генетических исследований и практически полному свертыванию работ по вопросам эволюционной генетики не знает этой работы и наша научная смена. Это лишает наших начинающих исследователей знания весьма существенной части научных основ эволюционного учения.

Вот почему переиздание работы С. С. Четверикова с написанными им дополнениями более чем желательно и более чем своевременно.

Чем скорее это будет сделано, тем лучше.

Чл.-корр. АН СССР, проф. Астауров.

21.XI.58.

Это письмо я привез в редакцию, и там мне сказали, что теперь все необходимые требования выполнены. Казалось, что ничто уже не может остановить выход его работы в свет. Но прав-то был не прекраснородушный оптимист-студент Сойфер, а умудренный профессор Четвериков. Его постоянные напоминания о том, что до той поры, пока работа не будет физически доступна в виде статьи, опубликованной в номере журнала, говорить «гоп» нельзя, оказались пророческими. План по переизданию работы в тот год неожиданно рухнул, и никакие редакторы исправить положения не могли. В дело вмешался в который раз партийный обух.

В том же 1958 году Н. С. Хрущев начал активно поддерживать Лысенко и нападать на ученых, не согласных с методами лысенковцев. В конце сентября того года на пленуме ЦК КПСС был разыгран настоящий спектакль, предусматривавший разгром тех органов печати, которые публиковали особенно резкие статьи с критикой лысенковщины. Зачинщиком «прений» по этому «животрепещущему партийному вопросу» выступил секретарь ЦК партии коммунистов Азербайджана Н. Д. Мустафаев. Он призвал Хрущева расправиться с теми, кто критикует Лысенко. Хрущев эти нападки с пылом и жаром поддержал. В конце ноября партийные органы в Москве и Ленинграде приняли меры, чтобы заменить сторонниками Лысенко ученых в редколлегиях «Ботанического журнала» и «Бюллетеня Московского общества испытателей природы», отдел биологический. Публикация работы Четверикова стала невозможной.

Но пока еще ни мне, ни тем более ему это трагичное известие не было доступно. Мы оба верили, что все-таки дело не дойдет до прекращения, казалось бы, уже прочно возобновляемых в стране интересов к реальной науке, а не к шаманству проходимцев и политических интриганов, какими несомненно были Лысенко и его приспешники. В письме к Бунделю от 2 декабря 1958 года Четвериков писал об ожидании им выхода всей его статьи с дополнениями, а попутно давал мне характеристику, которую я узнал лишь много десятилетий спустя, когда переписка Сергея Сергеевича с Андреем Андреевичем была опубликована в 2002 году: «Еще несколько слов о Валерии Николаевиче Сойфере. <...> По отношению ко мне я вижу с его стороны как глубокое уважение, так и большую преданность, и, конечно, плачу ему тем же. Между прочим, это по его настойчивой инициативе я решился написать «Мои воспоминания», писание которых в конечном счете доставило мне большое удовольствие и в то же время всей тяжестью легло на его плечи, а Вам, дорогой Андрей Андреевич, огромное спасибо за Вашу помощь» [3].

Только в 1965 году (также по случаю исторической даты — к столетию выхода в свет работы И. Г. Менделя «Опыты с растительными гибридами») статья Четверикова с частью новых примечаний увидела свет в Бюллетене МОИП (том 70, вып. 1, стр. 33 — 74). Издание готовил академик А. Л. Астауров, который в своей вводной статье (на стр. 27) упомянул факт подготовки дополнений и примечаний (правда, с ошибкой): «Только в год своей смерти (он умер 2 июля 1959 г.) он, уже будучи слепым, продиктовал студенту В. Н. Сойферу некоторые примечания к своей основной работе, впервые публикующиеся в виде подстрочных сносок в настоящем издании его работы (см. стр. 38, 39, 43)».

Диктовал мне Сергей Сергеевич дополнения и примечания не в год смерти, а годом раньше — в 1958 году, когда и сам Астауров писал рецензию на эту работу, да и примечания, продиктованные мне, располагались не только на трех указанных страницах, а на 35-й, 36-й, 37-й, 38-й, 42-й и 49-й страницах, во всех из них в этом издании было по небрежности допущено 14 опечаток и неправильностей, а еще более 10 исправлений, равно как и предисловие 1958 года, были исключены из публикации. Почему это было сделано, понять невозможно, поскольку все неопубликованные дополнения и примечания ничем от опубликованных по стилю или характеру не отличались. Б. Л. Астауров прислал мне подписанный им

собственноручно 9 декабря 1965 года выпуск этого журнала с такой надписью на обложке: «Дорогому Валерию Николаевичу Сойфери в память С. С. Четверикова от одного из редакторов и авторов. 9.XII.65. Б. Астауров».

В одном из более поздних писем ко мне Борис Львович, впрочем, написал, что в 1965 году он ничего не знал ни о всех примечаниях и дополнениях, продиктованных Четвериковым, ни о существовании его предисловия к работе, написанного в 1958 году. Я понял, что память Астаурова дала сбой.

Четвериков диктует мне еще две работы — «Мои воспоминания» и СООР

В год, когда я пришел к Четверикову в первый раз, я ничего не знал о семье Сергея Сергеевича, родителях, среде, в которой формировались его характер и взгляды. Не сразу и очень дозированно он стал рассказывать мне о себе, услышанное поразило меня, и я принялся уговаривать его продиктовать мне что-то о прожитой жизни. Долгое время Сергей Сергеевич отнекивался, но когда мы быстро завершили работу над его статьей 1926 года, он согласился (причем с большой радостью) продолжить наши посиделки и продиктовать мне свои воспоминания. Он решил не касаться в них тех лет, когда был арестован и выслан на Урал, а остановиться на годах детства, юности и взросления.

В течение почти двух недель он диктовал мне каждый день по десятку страниц. Рассказывая о семье, Сергей Сергеевич остановился на важной роли мамы в воспитании трех братьев и сестры. Он упомянул о том, что мама выписывала все основные толстые иностранные и отечественные журналы, сама знала три европейских языка, причем в семье все постоянно говорили на немецком и обучали детей также английскому и французскому.

На меня произвел сильное впечатление рассказ Сергея Сергеевича о том, как интерес ко всему живому, к природе владел им с самого раннего детства: «Из детских и отроческих лет в мою душу запали три комплекса глубочайших впечатлений — любовь к природе, любовь к семье и к людям вообще и христианская вера. Сколько могу себя вспомнить, я с какой-то болезненной чуткостью и привязанностью относился к окружающей меня природе, будь то растения или животные».

Сергей Сергеевич поведал о том, как у него пропал религиозный экстаз, как на смену культивировавшимся в семье с детства привычкам к регулярному посещению с гувернантками церковных служб (хотя он отмечал, что ни отец, ни мать не были не то чтобы ревностными прихожанами церкви, но вообще никогда в неё не ходили) пришли иные увлечения. Познакомившись с историей христианства в Европе, он был потрясен тем, как римский император Константин сначала преследовал верующих во Христа, а затем по его указанию христианство вдруг было признано государственной религией и из гонимых христианские лидеры превратились в гонителей. «Величайший ужас и отвращение вызывали во мне описания преступлений «братьев во Христе» (иезуитов), их мрачная «святая» инквизиция, их виселицы и костры, на которых гибли Савонарола, Джордано Бруно и многие тысячи истинно честных людей, беззаветно защищавших свои идеалы. И перед моим восхищенным взором вставал образ «великого упряма» Галилео Галилея, которого братья иезуиты во имя спасения имени Христа оскорбили и унизили до последнего предела и который, встав с колен, топнул ногой и молвил: «*Errur si muove*» (а все-таки она движется)... От прежней моей религиозности не осталось и следа. Всё было пересмотрено, переоценено, и ничего в современной христианской религии, кроме ханжества и лицемерия, не оказалось».

Ошеломил меня и рассказ о том, каким храбрым мальчиком с раннего детства он был. Я, например, помню отчетливо, что когда я почти каждое лето жил в доме бабушки и дедушки в Юрьевце, вблизи от дремучего леса, меня нельзя было заманить туда ночью и калачом, меня там

страшили непролазные кусты, мерещилось что-то неведомое в чаще, а Четвериков, напротив, ничего этого не боялся и, более того, любил в 13 — 14 лет убежать по ночам в лес:

«...забившись в непролазную глушь, я садился на кочку и слушал, слушал всякие шумы, всякие шорохи, как вблизи, так и вдали, и старался представить себе, почему тот или иной зверек или птичка пискнет или свистнет... А я сижу, не шелохнувшись, и слушаю и как будто сам становлюсь маленькой частью большого леса... В эти часы я особенно четко и глубоко чувствовал себя полностью слитым с окружающей природой, и это доставляло мне невыразимое, непередаваемое наслаждение. Чем старше я становился, тем глубже осознавалась мною эта любовь ко всему живому».

И мать, и отец Четверикова принадлежали к прославленным в истории России промышленникам и предпринимателям и сохраняли промышленную «жилку», хотя уже не в одном поколении носили дворянские звания (были потомственными дворянами). Отец хотел вырастить из своих сыновей людей практических, продолжателей его фирмы — знаменитой на всю Россию и даже Европу фабрики суконных изделий и парадных тканей для царей и высших священнослужителей (недаром за Четвериковыми шла слава главных владельцев «золотоканительной мануфактуры»). Естественно, что отец хотел воспитать в сыновьях интерес к промышленному менеджменту (как бы сказали сегодня), поэтому их послали учиться не в классические гимназии, откуда только и был открыт ход в университеты, а в реальные училища, готовившие своих выпускников для политехнических институтов. Так, Сережу отдали в лучшее в Москве реальное училище Воскресенского на Мясницкой улице, где был высочайший уровень преподавания точных наук и математики (например, среди школьных учителей в этом училище был Иван Алексеевич Каблуков — будущий выдающийся российский химик, академик с мировым именем).

Однако одним реальным училищем учеба не оканчивалась. Накопленные отцом миллионы позволяли ему относиться более легко к тому, чтобы поддерживать интерес детей ко всему, к чему тянулась их душа. Этим объясняется то, что в летнюю резиденцию семьи на каникулы отец приглашал преподавателей Сережи из реального училища и даже некоторых преподавателей из университета. Важную роль в развитии интереса Сергея Сергеевича к естествознанию сыграло то, что в летние месяцы у них поселялся учитель биологии Владимир Павлович Зыков, который одновременно работал приват-доцентом в Московском университете, что для детей был куплен микроскоп, и они готовили препараты для микроскопических наблюдений уже в детские годы. В школьные годы Сережа глубоко интересовался астрономией, а их классный руководитель Егор Васильевич Орлов — любитель-астроном занимался с учениками систематическими наблюдениями за звездами и другими небесными объектами в телескоп, причем подчас дети задерживались до 12 ночи за этими занятиями, и дома, при всей строгости присмотра за ними, такие задержки допоздна никого не расстраивали.

Перед окончанием реального училища Сережу позвал к себе в кабинет отец, выдал ему паспорт и билет в Германию, в город Митвайде (в Саксонии, недалеко от Дрездена), где сын должен был учиться в высшем техническом училище. Оказалось, что отец уже списался с руководством училища, нашел для сына квартиру, в общем, все продумал и организовал, ожидая, что сын со временем завершит европейское образование и вернется знающим и целеустремленным инженером на свою же фабрику и заменит там с годами отца в управлении этим большим предприятием (около тысячи рабочих).

Когда Сергей Сергеевич диктовал мне эти строки, я еще не представлял себе, как это можно — уехать учиться за границу, как легко можно было решить все вопросы с паспортами, визами, разрешениями, — ведь в СССР мы жили за возведенным советской властью железным занавесом, отгороженные от всего мира бесконечными условностями и преградами. Только очутившись через тридцать лет на Западе, я понял, сколь многого простого, буквально

элементарного для любого жителя планеты были лишены советские люди, как из них воспитывали затворников, как озлобляли против «заграницы», «врагов», «шпионов и диверсантов».

Однако, очутившись в Германии не по своей воле, Четвериков понял, что любовь к естествознанию манит его совсем на другую стезю, в другой мир и в иное учебное заведение. Проучившись (вполне успешно!) семестр, юноша весной опять погрузился в мысли о теряемой им возможности стать биологом, и тогда случилось чудо: он сумел переубедить отца в неверности направления его на учебу в немецкий технический колледж (пусть и первоклассный). «Я почувствовал весну и в далеком Mittweide. Что-то в душе проснулось и затрепетало. И вот, должно быть, в таком настроении, огретом и окрыленном весной, я написал моему отцу письмо, в котором жгучими откровенными словами попробовал еще раз убедить отца в том, что мои мечты о зоологической карьере — не мимолетная блажь, навеянная со стороны, и что вне биологии для меня нет иного призвания».

Можно было ждать от отца — волевого и сильного руководителя и владельца огромного предприятия, что он не обратит внимания на причуды своего сына, ведь ему нужно было, чтобы тот не букашек ловил и не птичек на ветках считал, а стал продолжателем и наследником дела семьи. Но опять-таки иные нравы и иная мораль владели умами передовых людей того времени. Отец прочел письмо сына на собранном им домашнем совете, обсудил его с другими родственниками и решил, что не имеет права ломать судьбу сына: «Он написал мне, что <...> предоставляет мне полную свободу строить мою личную жизнь так, как я сам её для себя намечаю», — продиктовал мне Сергей Сергеевич.

Отец, правда, решил, что его сын не должен появляться в Москве, чтобы исключить влияние на младшего брата. Так Сергей оказался в Киеве, где он должен был сначала, чтобы попасть в университет, выдержать экзамены для получения аттестата зрелости гимназии. А это было серьезное испытание: нужно было сдать экстерном восемнадцать (!) экзаменов за все годы гимназического образования. Но это решение юноша встретил с восторгом и начал самостоятельно штудировать все предметы естественного цикла, греческий язык и латынь, европейские языки, а также и все остальные предметы. Он погрузился в эту учебу с твердым намерением преодолеть все не за 10 лет, а максимум за год-два!

Еще одна — причем неожиданная — линия в жизни Четверикова открылась передо мной, когда он стал рассказывать о киевском житье-бытье. Меня не удивил его рассказ о том, как он поселился в подвальной комнатенке с малюсеньким окошком и с местом лишь на железную кровать и крохотный стол, как он счастливо в ней жил (а что еще для жизни надо, если и столоваться он устроился в том же доме у квартирной хозяйки), пока не приехала знакомая их семьи, чтобы ненароком проинспектировать его жилище, и ужаснувшись всему (и бедности обстановки, и жуткой грязи — «пола я, конечно, никогда в комнате не мыл», — продиктовал Сергей Сергеевич). А поразило меня другое. Сын миллионера, представитель высшего света (потомственный дворянин в четвертом колене в их семье), юноша шестнадцати лет, пристрастился в Киеве к чтению революционной литературы и присоединился к запрещенному властью кружку людей, желавших сковырнуть тот класс, из которого он сам вышел. Началось все с посещения книжного магазина В. А. Присяниченко в Киеве, где он быстро вошел в доверие к хозяину и стал получать запрещенную литературу и упоенно с нею знакомиться. «Я узнал и с величайшим уважением произносил имена Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина!»

По собственной инициативе он стал слушать лекции В. Л. Железнова по политической экономии в Киевском университете. Вот эта склонность к революционным познаниям меня не могла не удивить.

Но все-таки главной оставалась страсть к биологии. «Пользуясь библиографическими указателями в прочитанных работах и книгах, я составил себе список книг, которые обязательно должен был прочесть... Помню, что особенно заинтересовали меня вопросы наследственности, и, очевидно, уже тогда Судьба определила мне быть генетиком».

Через полтора года он экзамены за всю гимназию сдал, на последнем из них был уже сильно болен, пришел домой, потерял сознание и очнулся только через две недели, когда соседи вызвали к нему (буквально умирающему от подхваченного где-то во время экзаменов брюшного тифа) маму, которая и увезла его в Москву. Больше он в семье остракизму не подвергался и поступил в 1900 году в Московский императорский университет. Еще одна немаловажная деталь: каждого зачисленного в университет студента принимал ректор, который, собственно, и объявлял абитуриенту, что он становится студентом. Так произошло и с Четвериковым. Тогдашний ректор, А. А. Тихомиров, поприветствовал своего нового студента, а дальше незаурядные данные студента дали о себе знать: «...через какие-нибудь месяц или два я участвую в зоологическом кружке под руководством профессора Ю. Н. Зографа и читаю доклад о строении гидры на основании нескольких специальных немецких работ, указанных мне руководителем».

На первом же курсе Сергей Сергеевич становится также участником комиссии по изучению фауны Московской области при Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии. И вновь возвращается к нему еще одна страсть: «Вскоре у нас образуется кружок, поставивший себе задачей основательно изучить революционную литературу, проработать «до дна» спорные вопросы, словом, из дилетантов стать настоящими революционерами.

Я усаживаюсь за первый том «Капитала» и штудирую его систематически главу за главой и попутно читаю всё из нелегальной литературы, что попадает мне в руки».

Да, назвать этого молодого человека однобоким или малоинициативным никак было нельзя. Он пылал и рвался к свершениям. И вскоре судьба подвергает его первому испытанию на прочность. В 1901 году студенты Киевского университета большой компанией высказывают публично недовольство не только тем, как их учат, но и вообще порядками в стране. По приказу министра народного просвещения Боголепова 183 из них немедленно арестовывают и отдают в солдаты. Тогда взрывается студенческая масса по всей стране и, конечно, в первопрестольной столице — Москве. Студенческую сходку созывают в Московском университете, она заканчивается тем, что к университету власти стягивают войска, закрывают все входы, кроме запасного — во двор. Туда по железной лестнице препровождают всех участников незаконной акции и заточают сначала на двое суток в Манеж, а затем под конвоем со штыками на изготовку ведут в Бутырскую тюрьму, где удерживают в течение двух недель. Так Четвериков в первый раз в своей жизни оказывается за тюремными запорами.

Но последующие три года в университете он учится прекрасно, выходит в число лучших на курсе (через год профессор М. А. Мензбир распорядится напечатать его дипломную работу на немецком языке в виде отдельной книжки).

Однако и «вольномыслие» его не покидает. Недаром студенты избирают его единственным представителем 4-го курса в пока еще разрешенном властями, но вовсе ими не приветствуемом «Студенческом органе», который пытается руководить университетской жизнью. А тут придвигаются по времени поражение России в войне с Японией, позорный мир, экономические неурядицы, нагнетание страстей в широких слоях русского общества. То тут, то там вспыхивают бунты, забастовки рабочих, недовольства интеллектуалов. В общем, подходит к апогею русская революция 1905 года. Сначала возникает Стачечный комитет железнодорожников, потом он трансформируется во Всероссийский стачечный комитет 1905 года. Члены «Студенческого органа Московского университета» откомандировывают Четверикова в этот комитет, ведущий страну к революции.

Особое внимание в своем рассказе он уделил тому, как еще до того, как был созван Всероссийский стачечный комитет, многими в стране была осознана непоследовательность властей после издания царского Манифеста 17 октября, даровавшего лишь на словах политические свободы. Он рассказывает, как убийство Баумана в Москве на следующий же день после публикации Манифеста, а затем расстрел демонстрации студентов у Манежа показали, что никаких свобод на самом деле царем «даровано» не было. Поэтому революционные настроения продолжали шириться, и возник Стачечный комитет. Этот рассказ существенен, потому что он передает атмосферу общества в тот момент, передает не фразами поздних пропагандистских и часто принципиально неточных советских агиток, а глазами непосредственного участника этих событий.

Хочу в связи с этим отметить позорное примечание в томике работ Четверикова, изданном в 1983 году, где «Мои воспоминания» были напечатаны. Этот комментарий был взят из публикации В. В. Бабковым отрывков из четвериковских воспоминаний в журнале «Природа» и содержал следующие фразы: «Речь идет о московском Стачечном комитете, созданном в разгар Октябрьской политической стачки. Но в нем преобладали либералы, эсеры, меньшевики. В результате после Манифеста 17 октября комитет обратился к рабочим немедленно прекратить политическую забастовку. В связи с этим большевики вышли из комитета. По их призыву рабочие собрания стали выражать недоверие Стачечному комитету и принимать решения о всемерной поддержке Московского Совета рабочих депутатов» («Природа», 1980, № 12).

Особенно лживо это примечание звучит после истории, приведенной на следующей странице воспоминаний. По поручению Стачечного комитета Четвериков был направлен в Лефортово на Московский стеариновый завод для организации и проведения там забастовки. «Когда я туда пришел, там уже орудовал эсер. Но справиться с ним не представляло никакого труда.

Я проводил строго большевистскую линию (курсив мой. — В. С.), и рабочие сразу перешли на мою сторону. Забастовка шла дружно, планомерно, и я сохранил со многими рабочими самые дружеские отношения, когда через несколько лет приходилось случайно встречаться».

Основываясь на четвериковских воспоминаниях, можно усомниться в правдивости пропагандистских баек про Комитет рабочих депутатов.

Огромную историческую роль играет тот раздел воспоминаний, где Сергей Сергеевич рассказывает о приходе Ф. И. Шаляпина на заседание Стачечного комитета и о стихийно организованном концерте великого певца перед членами Комитета. Важен рассказ о том, как в начале декабря 1905 года правительственные войска расстреляли здание училища Фидлера, в котором тогда собрались члены Комитета.

В целом этот раздел казался мне очень важным. Искренняя и продуманная вовлеченность сына миллионера в революционную деятельность, причем на столь высоком — общенациональном — уровне, казалась мне, воспитанному на материале советской пропаганды о семьях «буржуев», почти невероятной. Этот рассказ от первого лица противоречил ходульным утверждениям советской прессы о моральном климате в среде богатых людей.

В те дни, когда Четвериков диктовал мне воспоминания, мы однажды остались в комнате вдвоем, и я спросил его, к какой из революционных партий он был бы ближе всего, существуй они в сегодняшние дни. Он задумался. Тогда я конкретизировал вопрос и спросил более прямо: соответствуют ли его мировоззрению большевистские взгляды сегодня? Он без задержки дал мне отрицательный ответ и потом добавил, что, пожалуй, меньшевики были бы ему симпатичнее.

Когда я закончил записывать воспоминания, был уже конец августа. Я улетел в Москву, взяв с собой все 130 страниц рукописи. В сентябре и первых числах октября я несколько раз

ездил в МОИП и пытался выяснить, не меняются ли планы редакции относительно подготовки к переизданию четвериковской работы. Все пока шло по плану, и я об этих походах сообщал Сергею Сергеевичу.

В начале октября он написал родной сестре Марии Сергеевне в Швейцарию письмо с такими строками: «А вот чем я был занят последние две недели, ты ни за что не догадаешься... Диктовал «Мои воспоминания» — школьные годы и университет. Один мой знакомый здешний студент много раз приставал ко мне с этим предложением. Сначала я отнекивался, а потом, больше из озорства, решил попробовать. И представь себе — мне понравилось! Всколыхнулась память о многих событиях, о всяких мелочах и личных переживаниях, и все это гораздо отчетливее, конкретнее, связаннее, чем бывало раньше. И вот мы засели за работу: я диктовал, а студент писал, и получилась в конце концов довольно тяжелая рукопись — эдак страниц на полтора, правда, очень размашистого почерка. В ней пять глав: 1. Школа и школьные годы. 2. За границей. 3. В Киеве. 4. Первый год в Московском университете и 5. Всероссийский стачечный комитет (1904 — 1905 гг.) <...> А все-таки благодарю Судьбу за то, что она мне дала дожить до моих лет <...> Очень тебя любящий брат. Сережа» [4].

К моим заботам о статье добавилась в это время еще одна: надо было организовать перепечатку рукописи воспоминаний. Сергея Сергеевича этот вопрос тоже интересовал. Вот что он мне написал:

ГОРЬКИЙ, 31 октября, 1958 г.

Дорогой Валерий Николаевич

Большущее Вам спасибо за Ваше сердечное искреннее письмо и за те хорошие вести, которые Вы нам сообщили. Всё это, конечно, очень радует и бодрит, но я старый пессимист и очень твердо помню украинскую поговорку: «Не кажи гоп, пока не перескочишь!», а потому молчу и «гоп» не говорю.

Как подвигаются дела с моими рукописями? Из Ваших слов я заключаю, что дела с примечаниями и комментариями обстоят лучше, чем дела с «Воспоминаниями». Это совершенно естественно. Но вот и у меня есть по этому поводу новость. Неделю тому назад был у меня мой хороший знакомый и друг Андрей Андреевич Бундель (доктор и профессор химии). Я ему кое-что рассказал о моих «Воспоминаниях», и он сам предложил мне свою помощь для переписки на машинке Вашей рукописи. Он предлагает взять на себя и расходы по этому делу, и указать подходящую машинистку из числа его знакомых. Так что вот, дорогой Валерий Николаевич, если это Ваши планы не нарушает и Вы почему-нибудь не предпочтете других путей, то Вы можете использовать помощь, предлагаемую А. А. Бунделем. Для этого надо будет только повидаться с ним и передать ему Вашу рукопись. Повидать его всего лучше дома по адресу: МОСКВА, Ж-4. Улица Чкалова, дом 69/25, кв. 12. Этот дом угловой по Садовой (ныне ул. Чкалова) и Землянке, недалеко от Таганской площади — вниз с горки по направлению к Курскому вокзалу. Застать его дома легче всего вечером, после 8 часов. — Так вот, дорогой Валерий Николаевич, повторяю: если Вы не имеете впереди ничего более для Вас привлекательного, то обратитесь по указанному адресу и передайте А. А. Бунделю мой привет и глубокую благодарность.

Кстати: прилагаю к этому письму маленькое добавление к моим воспоминаниям, а именно к самому концу 3-й главы. Вклейте его как-нибудь, и если нужно связать с текстом, то сделайте это сами.

Сейчас у вас учеба пошла, вероятно, полным ходом, и возиться с моими рукописями Вам не с руки, а потому я не очень жду скорых вестей о них, но это не значит, что Вы не должны мне писать. Меня крайне интересует, как в нынешнем году пойдут Ваши дела и как пойдет не только обязательная часть Вашей работы, но и необязательная — доклады, выступления, семинары и т. д. <...>

О себе мало что имею сообщить интересного. Самочувствие мое всё на одном и том же уровне, но на улицу больше не выхожу и веду монашеский образ жизни; и про козла с козой мне петь не с кем: Коля охрип, да и песен петь он не умеет. Мои прежние

друзья меня время от времени навещают, и пожаловаться на одиночество я не могу. Но уроки немецкого языка у меня продолжаются и уже дают заметные результаты.

Часто вспоминаю Вас, дорогой Валерий Николаевич, и вспоминаю Вас именно таким, как Вы об этом пишете в Вашем письме: Вы сидите около меня за столом и пишете; либо я вижу Вас шагающим по комнате, дирижирующим руками и распеваящим какую-либо арию.

Прошла философская сессия Академии наук СССР. И ничего «страшного» с собой не принесла. Конечно, я этому чрезвычайно рад. Между прочим, до меня дошли сведения, что Трофим хотел выступить на ней со своим «докладом», но что будто бы ему в этом было отказано. Слыхали ли Вы что-либо об этом? И если это правда, то это факт замечательный.

«Что день грядущий нам готовит?»

Буду кончать и буду очень ждать от Вас вестей, как о моих рукописях, так и о всяких новостях, которых так много бывает в Москве и которые так плохо доходят до меня.

Пишите, когда только вздумаете, а там от всей души желаю успеха в Вашей работе; ведь от того, как она у Вас пойдет, зависит всё! — Крепко жму Вам руку.

Искренне Ваш любящий С. Четвериков.

Последняя фраза написана рукой С. С. Четверикова.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

К «Моим воспоминаниям»

Прошу в рукописи «Мои воспоминания» сделать следующее добавление: там, где я говорю, что отец пробовал меня отговаривать, перед словами «человека двадцатого числа» вставить еще слово — чинушей, а после слов «двадцатого числа» сделать сноску такого содержания:

«Чинушей, т. е. чиновником, потерявшим свое лицо, без своей воли, без своих взглядов, без своего мнения; словом, человек — «чего изволите». Прототип — Молчалин с его «не должно сметь свое суждение иметь».

В дореволюционное время все чиновники получали жалование 20-го числа каждого месяца.

В письмах ко мне в конце октября и начале ноября Сергей Сергеевич возвращался мыслью как к работе 1926 года, так и к своим воспоминаниям.

В письме от 2 ноября 1958 года он писал: «Еще раз выражаю величайшую радость по поводу сообщения, содержащегося в Вашей телеграмме, и если не говорю до сих пор «гоп», то только по закоренелой старческой привычке пессимиста. А если ко всему удастся перепечатать на машинке и «Мои воспоминания», тогда не знаю даже, каким святым поставить свечки!»

К проблеме перепечатки воспоминаний он вернулся 5 ноября того же года, когда написал: «Еще несколько слов о судьбе «Моих воспоминаний». Вчера получил письмо от А. А. Бунделя, в котором он меня ставит в известность о том, что он захворал и что его полёт на Кавказ таким образом расстроился, и он все праздничные дни пробудет в Москве. Если Вы всё-таки надумаете воспользоваться его предложением помощи в деле перепечатки на машинке рукописи «Моих воспоминаний», то, пожалуй, сейчас будет наиболее удобное время; он будет дома, и в то же время он не настолько болен, чтобы с ним нельзя было вести соответствующих переговоров. А кстати, возьмете у него оттиск своей работы (*здесь, видимо, опечатка — должно быть: «моей работы»*. — В. С.), который, конечно, Вам сейчас будет очень полезен.

Я совсем плохо представляю себе, с какими денежными расходами будет связано Ваше участие в оформлении рукописи моей работы. Эту сторону вопроса необходимо будет выяснить до конца без недомолвок; я уже говорил Вам, что в некоторой части (50 руб.) я могу взять на себя, а сейчас брат говорит мне, что и он с охотой готов пойти навстречу этому делу. Пишите

подробно всё, что Вам будет надобно, а я лично держусь того мнения, что было бы доброе желание, а там всегда можно устроиться».

Но с добрыми пожеланиями в тот момент не все складывалось лучшим образом. Машинистка, к которой Бундель направил меня и которой я передал рукопись с продиктованными воспоминаниями, не смогла (или не захотела) разбираться с моими каракулями. Я получил из Горького открытку, написанную рукой Т. Е. Калининой, с таким текстом, подписанным Сергеем Сергеевичем:

ГОРЬКИЙ

11 декабря 1958 года.

Дорогой Валерий Николаевич!

Недавно получил письмо от А. А. Бунделя, в котором тот извещает, что машинистка отказывается перепечатывать рукопись «Мои воспоминания». Она заявляет, что прежде, чем перепечатывать, рукопись необходимо отредактировать и перебелить. Я думаю, что она права. Сам я слеп, а наваливать эту лишнюю (подчеркнуто в оригинале. — В. С.) нагрузку Вам на плечи я считаю с моей стороны чистейшим безобразием. И я предлагаю так: перевяжите веревочкой папку с рукописью, и пускай она пока хранится до лучших времён либо у Вас, либо у меня, а там, может быть, и блеснет какой-либо просвет. Во всяком случае, дорогой Валерий Николаевич, не огорчайте меня и делайте то, о чем мы с Вами говорили на прощание, и не тратьте времени и сил на посторонние дела. Шлю привет Вашим и моим друзьям-студентам.

С. Четвериков.

Подписано рукой Сергея Сергеевича.

Конечно, я не стал откладывать ничего в дальний ящик, засел за работу, просмотрел заново рукопись, подправил некоторые неясные слова, и другая машинистка смогла перепечатать рукопись.

Перед самым 1959-м Новым годом я получил новогоднюю открытку от обоих братьев:

С НОВЫМ ГОДОМ!

Дорогой Валерий Николаевич.

Шлём Вам оба новогодние приветы и поздравления, а вместе с ними и наши наилучшие пожелания на 1959 год!

Вы давно молчите, и мы не знаем, как складывается Ваша жизнь и как идут дела. Устроилась ли как-нибудь сносно Ваша личная жизнь? И хватает ли Вам времени на все Ваши разнообразные занятия? — Крепко жмем Вам дружескую руку!

С. Четвериков и Николай Четвериков (тож).

Собственноручные подписи обоих братьев; Сергей Сергеевич подчеркнул свою подпись сплошной чертой, как он это обычно делал.

Через несколько дней я приехал к маме в Горький и в первый же день приезда был, конечно, у Сергея Сергеевича. Я привез с собой перепечатанную рукопись и вручил первый экземпляр машинописи ему, чему он был несказанно рад. А мне тем временем пришла в голову новая идея: хотелось каким-то праздничным событием отметить рождение новой работы Сергея Сергеевича (пусть и пока в количестве четырех экземпляров, но я был уверен, что рано или поздно его важные воспоминания прочтут и многие другие люди).

Я решил устроить чтение вслух воспоминаний, и он с радостью с этим согласился. В его квартире 6 января 1959 года наступил торжественный вечер.

Я пригласил доцента ГГУ П. А. Суворова, Николай Сергеевич — доцента мединститута Т. Е. Калинину и аспиранта-биофизика Горьковского университета Н. Н. Солина, пришли также мои друзья — студенты горьковских вузов В. А. Брусин (математик, тогда студент ГГУ,

позже профессор и заведующий кафедрой), И. А. Чечилова и В. Шевцова (обе из Горьковского мединститута). Сергей Сергеевич, взволнованный и будто светящийся изнутри, встал с кровати и сел в вольтеровское кресло с высокой спинкой, стоявшее в его комнате у стены рядом с дверью. Николай Сергеевич приготовил всем чай, я поставил рядом с собой настольную лампу с зеленым абажуром и начал читать. Не скрою, я очень волновался в тот вечер. Я ловил себя на том, что в наиболее трогавших меня местах голос мой дрожал. Это был действительно исключительный в жизни вечер, навсегда врезавшийся в память.

В первый вечер я читал, наверное, около часа, а потом заметил, что и для Сергея Сергеевича эта торжественная встреча с прошлым оказалась очень волнительной. Поняв, что я дошел лишь до середины текста, я предложил прерваться на сегодня и собраться снова завтра в то же время, чтобы завершить без спешки чтение. Эти два вечера наверняка надолго запомнились всем присутствовавшим.

Роль отца и семьи в формировании взглядов С. С. Четверикова

Многие годы, когда я вспоминал наши встречи с Сергеем Сергеевичем, я размышлял о том, какие факторы могли повлиять на формирование его взглядов, как он стал таким глубоко и самобытно мыслящим ученым, оказавшим большое воздействие на биологию. Могло показаться, что многое произошло в его судьбе спонтанно. И вдруг неожиданно, спустя почти полвека после наших встреч, я познакомился с книгой отца Четверикова — Сергея Ивановича, изданной в эмиграции и недавно перепечатанной в России [5]. Из ее чтения я понял, что получил ответы на многие непонятные вопросы. Мне представляется важным поделиться этими сведениями, так как они помогают понять генезис взглядов и устремлений С. С. Четверикова.

Отец Сергея Сергеевича — Сергей Иванович — стал буквально легендарной личностью в истории России. В детстве и отрочестве он отдавал все силы музыкальному образованию и игре на фортепиано, добившись больших успехов в этом, пытался сочинять музыку и не помышлял о занятиях бизнесом. Но когда в 1871 году скончался отец, владелец знаменитой Городищенской суконной фабрики (в советское время — фабрика имени Свердлова Щелковского района Московской области), он в двадцать один год взял в свои руки управление этим огромным предприятием и блестяще с ним справился. Он не просто расширил производство, доведя число работающих на фабрике до 730 человек в 1890 году, не только разнообразил ассортимент тканей до едва ли не наивысшей в Европе отметки — более двух тысяч рисунков тканей — и перенес в Россию новые технологические линии. Попутно он занялся меринным овцеводством и преуспел в этом. Эта сторона его деятельности была особенно показательной.

В течение десятилетий российская промышленность по изготовлению высококачественного сукна зависела от ввоза шерсти овец-мериносов из-за рубежа (лучшей считалась австралийская шерсть). Затем российскими промышленниками было инициировано тонкорунное овцеводство на Северном Кавказе, и главными зачинщиками и управляющими этим делом были члены семьи Алексеевых, которым принадлежала крупнейшая Даниловская камвольная прядильня, снабжавшая сырьем для производства сукна всю Россию. Они же содержали на Кавказе стадо тонкорунных меринных овец в почти 60 тысяч голов.

Но славились Алексеевы не только умением вести бизнес. Члены этого семейства были высокообразованны, связаны дружбой с интеллектуалами в Европе, дети говорили на трех главных европейских языках, музицировали, играли домашние спектакли. Один из членов семьи — Константин Сергеевич Алексеев — основал новую театральную труппу в Москве, культивировал в ней демократические (сегодня сказали бы — либеральные) порядки и старался

увести игру актеров своей группы от холодного лицедейства и манерничанья к правде жизни, к воплощению на сцене реальности. Он стал известен всему миру по своему сценическому псевдониму — Константин Станиславский.

Другим виднейшим в обществе лидером стал Николай Александрович Алексеев, служивший директором фирмы «Товарищество Владимир Алексеев» и одновременно ставший крупным общественным деятелем Москвы. В 1885 году он был впервые избран городским головой Москвы, был затем избираем трижды на эту должность и был на ней до 13 марта 1893 года, когда его смертельно ранил сумасшедший недоброжелатель. Н. А. Алексеев вошел навсегда в историю Москвы тем, что преобразовал лик города. Его стараниями была завершена современная планировка транспортных сетей города с радиальными магистралями и Садовым кольцом, построены Городские ряды (называемые ныне ГУМом), превзошедшие Гостиный двор в Петербурге, открыто около 30 городских училищ, на его деньги была построена получившая после его смерти имя Алексеева крупнейшая клиника для душевнобольных (Канатчикова дача), он же руководил возведением здания Московской городской думы. При его деятельном участии было завершено строительство Мытищенского водопровода, без которого Москва попросту погибала от нехватки воды. Именно он начал и завершил сооружение городской канализации, на его собственные средства были возведены две водонапорные башни у Крестовской заставы, несколько зданий школ и училищ. Он был славен огромной по размаху благотворительностью, поддержкой деятелей искусства, прежде всего музыкантов и театральных режиссеров. Он был другом Николая Рубинштейна, братьев Третьяковых (именно стараниями Алексеева Третьяковская галерея была передана в собственность Москвы) и других выдающихся людей в культурной среде старинной русской столицы. Сам он неизменно отказывался получать полагающуюся ему как городскому голове немаленькую зарплату и передавал все заработанные им по службе средства на благотворительные цели.

На его сестре, Марии Александровне Алексеевой, женился Сергей Иванович Четвериков, и, когда Николая Александровича убили, он решился продолжить дело семьи Алексеевых, связанное с выращиванием тонкорунных овец и производством высококачественной шерсти. Сергей Иванович преуспел в этом начинании. Он пошел много дальше простого управления имевшимся производством и основал тонкорунное овцеводство в степях Енисея в Сибири, где благодаря его стараниям появилось стадо в 60 тысяч голов овец. Примечательно, что Сергей Иванович взялся за селекционную работу с овцами и добился в этом отношении значительных успехов. Все эти важные для России достижения пошли прахом после воцарения большевиков в Сибири. Стада истребили, селекционные схемы по выведению улучшенных линий овец были бездумно утрачены.

Огромное значение для развития предпринимательства в России сыграли начинания Сергея Ивановича в области организации труда и пересмотра отношений владельцев предприятий с рабочими. Первым в стране он отменил на своих фабриках 12-часовой рабочий день и ввел 9-часовой (главное — при сохранении той же заработной платы, которую рабочие получали за 12 часов работы). Это нововведение вызвало поначалу шквал критики многих других промышленников, не желавших попустительству рабочим и предрекавших фиаско всего четвериковско-алексеевского дела. Однако Сергей Иванович блестяще доказал свою правоту и экономическую целесообразность перемен — в течение первых же лет после введения 9-часового рабочего дня. Вслед за ним это важнейшее новшество претворили в жизнь многие передовые промышленники. Это произошло потому, что не только никакого падения производства у Четверикова не случилось, а напротив, доходность его предприятий возросла.

Однако и доходами Четвериков распорядился своеобразно — весь излишек зарабатываемых им средств он стал выплачивать в виде добавок к зарплате рабочим, стал

учитывать индивидуальный вклад каждого рабочего в улучшение производительности труда (внедрил впервые в стране сдельную оплату труда).

Следующим шагом стал запрет назначать женщин и подростков на ночные работы. Производство не захирело и после этого нововведения. Затем он внедрил воспринятую им в Америке систему участия рабочих в получении прибылей от производства. Он ее и назвал «по-американски» — партнёршип.

В применении к его собственному производству это «партнёршипство» означало простую вещь: до 30 процентов всей прибыли хозяин теперь выдавал рабочим в качестве их пая в доходах, а себе оставлял только 10 процентов. Остальные

60 процентов шли на расширение производства. Сегодня этот метод используется на лучших западных предприятиях. Он же организовал первые детские сады для детей рабочих, построил на свои средства Анискинскую среднюю школу, ремесленное училище и больницу в Городищах.

Поэтому закономерно, что городищевские рабочие не лезли на баррикады, не «усмиряли зарвавшегося буржуа» Сергея Ивановича, а боготворили его,

и ни в революцию 1905 года, ни во время Февральской революции 1917 года и октябрьского переворота того же года не проводили забастовок или «грабежей награбленного».

Да и сам Сергей Иванович нередко выступал на общероссийском общественном поприще в рядах защитников интересов рабочих. После Кровавого воскресенья в январе 1905 года он послал телеграмму царю Николаю II с протестом против расстрела рабочих (надо при этом заметить, что он был не безвестным фабрикантом из провинции, а весьма известным в то время депутатом или, как их звали, гласным Московской городской думы, заместителем председателя, или товарищем, по тогдашней терминологии, Московского коммерческого института и членом влиятельных среди промышленников органов — Московского биржевого общества, Московского отделения Совета торговли и мануфактуры России, Московского столичного и городского присутствия по фабрично-заводским делам). Вместе с главой банкирского Дома Рябушинских Павлом Павловичем и Саввой Тимофеевичем Морозовым 27 января того года они обратились в правительство с публичным меморандумом, в котором обосновали тезис, что только политические реформы могут умиротворить рабочих страны. В том же 1905 году вместе с его соратниками А. И. Коноваловым, П. А. Бурьшкиным, С. Н. Третьяковым и другими он выступил в печати с призывом к царю отказаться от неограниченного самодержавия и перейти к конституционной монархии по примеру европейских государств. В газете «Русские ведомости» 26 июля 1905 года по инициативе С. И. Четверикова было опубликовано письмо лидеров московских торгово-промышленных кругов, содержавшее требование созвать в России Учредительное собрание с законодательскими функциями. Передать законодательство из рук царя в руки избранных народом представителей — такого еще в России не решался потребовать ни один из промышленников.

«Как и большинство русских людей, — писал автор коллективного письма С. И. Четвериков, — мы ныне полагаем, что самодержавие на Руси не должно отождествляться с правом царевых слуг в своих действиях не считаться с мнением и желанием народа».

В 1911 году министр Кассо ввел санкции против профессуры и студентов Московского университета. Ректор и огромное число профессоров университета покинули тогда это учебное заведение; имя Кассо навсегда вошло в историю с отрицательным знаком. С. И. Четвериков вместе с А. И. Коноваловым и профессором С. А. Котляревским собрал в то время подписи 66 ведущих московских деятелей (не только интеллектуалов, но видных заводчиков и биржевиков) под открытым письмом с протестом против репрессивной политики правительства по отношению к профессуре. «Плохую услугу оказывает обществу правительству и стране, когда

своим молчанием дает правительству повод думать, что за ним моральная поддержка страны», — говорилось в письме, составленном Четвериковым и опубликованном в газетах.

В 1915 и в начале 1917 года ему предлагали стать министром торговли и промышленности, но оба раза он войти в правительство не согласился,

оставаясь деятельным руководителем Московского торгово-промышленного союза. В годы Первой мировой войны он лично собрал огромную сумму денег — 1,3 млн. рублей для помощи увечным воинам, пострадавшим в военных действиях. Эта акция снова вывела его имя в число наиболее почитаемых в стране.

Когда большевики захватили власть, они арестовали Временное правительство и в их числе друзей Сергея Ивановича — А. И. Коновалова и С. Н. Третьякова и заточили их в Петропавловскую крепость. Узнав это, Четвериков отправился в Петроград, уговорил нескольких видных промышленников составить депутацию в Смольный и, придя с ними туда, потребовал от новых властителей освободить невинных узников. Видимо, аргументы, выложенные большевистским руководителям членами депутации, были весомыми, и обоих министров власти выпустили из заключения, и те быстро покинули пределы России. Но простить Четверикову его смелость большевикам сил не хватило.

В 1918 году семидесятилетнего Сергея Ивановича впервые арестовали и поместили в тюрьму, в начале 1919 года его заточили в камеру смертников на Лубянке, его ожидал расстрел. На Западе началась мощная кампания в его защиту, и большевистские власти сначала долго держали его в заточении, а в 1922 году услышали призыв Марии Сергеевны Четвериковой — дочери потерявшего все миллионы стареющего промышленника и общественного деятеля, — освободили его и отпустили из страны. Он скончался в Швейцарии в 1929 году.

Таким был жизненный путь отца великого русского генетика Сергея Сергеевича Четверикова. Из чтения воспоминаний отца, его писем и статей мне стало ясно, откуда брали начало и столь яркие способности сына, и интерес к революционному переустройству мира, и исключительная жажда жизни. Такой была необычно интеллектуальная и патриотическая среда, в которой формировался характер сына миллионера.

Совместное орание

Свои воспоминания Сергей Сергеевич дополнил еще одним, более кратким, но важным текстом. Он продиктовал мне несколько страниц о своем замечательном семинаре, сыгравшем колоссально важную роль в развитии биологии в России. Речь идет о семинаре, на котором он со своими ближайшими учениками в кольцовском Институте экспериментальной биологии разбирал досконально наиболее значимые публикации мировой научной прессы. Теперь, по прошествии более трех четвертей века с момента его возникновения, можно говорить об уникальной роли этого семинара в русской науке, потому что на его заседаниях Четвериков обучил и воспитал ученых, внесших важный вклад в становление и развитие российской генетики, цитологии, биологии развития и популяционного учения, — Б. Л. Астаурова, Е. И. Балкашину, Н. К. Беляева, С. М. Гершензона, П. Ф. Рокицкого, Д. Д. Ромашова, Н. В. и Е. А. Тимофеевых-Ресовских и С. Р. Царапкина.

В то время, через 6–7 лет после Октябрьского переворота, большевики уже сумели отторгнуть Россию от Запада, иностранные научные журналы практически в страну не поступали либо приходили с задержкой, личные связи были разорваны. Страна отгораживалась от мировой науки. Понимая, что нет науки без ясного осознания того, что делают сейчас коллеги по всему миру, Сергей Сергеевич старался прежде всего развить у своих ближайших учеников не просто понимание того, как важно следить за текущей мировой литературой, но научить их искать и находить в работах коллег главное, то, что составляет квинтэссенцию

научных поисков. Генетика тогда развивалась мощно, надо было не отставать, следить за этим ростом, быть на уровне.

Поскольку важные статьи выходили в разных странах, никаких поблажек касательно знания иностранных языков быть не могло: надо было читать и на английском, и на немецком, и на французском, и даже на итальянском языках. Конечно, требуя этого от своих питомцев, учитель взваливал новую ношу и

на свои плечи: теперь ему приходилось сначала выискивать в дошедших чудом до России журналах те публикации, которые следовало поручать для докладов, а затем выкраивать время на то, чтобы засаживаться вместе с каждым из будущих докладчиков и помогать им читать подчас на незнакомом языке нелегкие по сути своей тексты.

Но как это воспитывало участников семинара, как поднимало их в собственных глазах по завершении, казалось бы, невозможного дела! Недаром позже Тимофеев-Ресовский и некоторые другие ученики Сергея Сергеевича вспоминали важность избранного их учителем подхода. Благодаря ему они входили в круг идей настоящей мировой науки, а не разговоров о ней кого-то извне.

Другая проблема заключалась в том, чтобы уйти от казенщины и бессодержательности, научить докладчиков тому, как завлечь рассказом каждого из присутствующих. Эта задача завладела Сергеем Сергеевичем; он вспоминал те случаи, когда в гости друг к другу собираются настоящие близкие друзья, садятся за стол, берут по стакану чая и начинают общую беседу на научные темы. Какими интересными подчас бывают такие разговоры единомышленников, как разгораются споры! Иногда дело доходит до криков, когда каждый хочет сказать свое, и люди перебивают друг друга своими репликами, и все-таки, несмотря на гам, все вполне в курсе обсуждаемой идеи.

«И вот моя педагогическая мысль заработала в направлении, нельзя ли соединить в какой-либо форме и научность, и систематичность обсуждения тематики, сохраняя при этом все положительные стороны непринужденной беседы не в холодных стенах учреждения, а в уютной обстановке домашнего очага. Так зародилась в моем мозгу мысль о новой форме научных собраний, получивших впоследствии наименование СООР».

В результате размышлений он пришел к нескольким общим выводам:

— в семинарах могут участвовать только те, кто вполне друг другу доверяет и даже больше, кто примерно на одном уровне понимает обсуждаемые проблемы, где нет места демагогам и болтунам, а есть сравнимый уровень компетентности каждого и общий и заинтересованный интерес к обсуждаемому;

— это условие он даже усилил: решил, что должен ввести правило, что никто не может примкнуть к кружку, если хотя бы один из его участников не хочет видеть новичка; значит, надо проводить тайное голосование среди уже состоящих в кружке о приеме каждого нового члена — пусть все участники кинут в шапку бумажки со своим мнением (включать в число участников — не включать), и даже одного голоса против будет достаточно, чтобы отказать в приеме; Четвериков формулировал задачу для этого требования так: «Не создавать в СООРе неприязненных отношений между его членами и обособленных группировок»;

— семинары должны быть неформальными встречами, буквально домашними посиделками — у самовара и в дружеском кругу, а высказываться могут все, причем без всякого пиетета к докладчику: появилась у кого-то идея, или несогласие, или непонимание — можешь тут же об этом заявить, и пусть докладчик схлестнется с несогласным в диспуте, общий уровень усвоения нового от этого только выиграет;

— доклады должны быть распределяемы между всеми участниками семинара примерно поровну, не должно быть активных и пассивных членов, пусть все работают в равной степени;

— число участников с самого начала должно быть небольшим, иначе равное участие каждого в его работе будет недостижимо.

Такой неформальный характер обсуждений предполагал, что они будут, как писал Четвериков, «живыми, творческими». Конечно, иногда они принимали слишком живой, даже бурный характер, многие начинали, отстаивая свою точку зрения, перебивать друг друга и повышать голос, стараясь быть услышанными. Так и появилось название для семинара — «Совместное орание», или СООР. Участники могли вставать с мест, подходить к рисуемым докладчиками схемам, иногда возникала толчея вокруг докладчика, страсти накалялись, «и мне стоило немалого труда вернуть спорящих к основной теме», — диктовал Четвериков.

Важной деталью, которую позже вспоминали все участники СООРа, было требование Четверикова протягивать в докладе «красную ниточку», то есть выделять и обсуждать главную мысль реферируемого исследования.

Сергей Сергеевич отметил, что постоянных участников семинара было десять, добавив, что иногда на сборы СООРа приходили двое-трое более старших сотрудников Института.

Конечно, слава о СООРе (может быть, правильное сказать, — слухи об этом семинаре) разнеслась по Москве. Кое-кто из видных ученых захотел принять участие в нем и попросил Четверикова приглашать и их на эти «чаепития». Но, учитывая правило, по которому вето мог налагать на членство любой из допущенных, каждая новая кандидатура подлежала избранию, и оказалось, что многих, если не большинство из хотевших примкнуть к семинару, при голосовании завалили. Провалилась на голосовании, между прочим, и приемная дочь Четверикова Ася. Кому-то из участников она не нравилась, а правило есть правило: дочь руководителя вынуждена была на этих встречах отсутствовать.

Окончив диктовать текст воспоминаний о СООРе, Четвериков перечислил мне имена всех его учеников (Б. Л. Астауров, Е. И. Балкашина, Н. К. Беляев, С. М. Гершензон, П. Ф. Рокицкий, Д. Д. Ромашов, Н. В. Тимофеев-Ресовский и его жена Е. А. Тимофеева-Ресовская и С. Р. Царапкин) и назвал последним в списке будущего академика Н. П. Дубинина.

Когда я впервые написал об этом семинаре в одной из своих статей и упомянул Дубинина как члена СООРа, академик Б. Л. Астауров написал мне длинное письмо, что Дубинин — ученик Серебровского, а не Четверикова. Но, видимо, Сергея Сергеевича подвела память. В 1970-х годах у меня было несколько доверительных бесед с академиком АН УССР Сергеем Михайловичем Гершензоном, и он мне дважды говорил, что отчетливо помнит, как несколько раз Дубинин пытался примкнуть к СООРу, но каждый раз получал «черные шары» при голосовании.

Основные принципы организации СООРа, конечно, вошли в сугубое противоречие со сложившимися в стране нормами слежения со стороны ОГПУ за собраниями и встречами. Слишком все походило на сходки заговорщиков, оберегающих себя от «чужих ушей и глаз». Именно эти подозрения привели, скорее всего, к трагическому насилию над Четвериковым, предпринятому советскими властями и приведшему к научной гибели этого незаурядного ученого через пять лет. Гершензон, в частности, говорил мне, что, скорее всего, арест Четверикова в 1929 году, заключение в тюрьму и последующая высылка на Урал на пять лет были обусловлены СООРом. Он считал, что двое забаллотированных сотрудников Института экспериментальной биологии (он называл Дубинина и Вендровского, добавив к ним в одном из разговоров еще одну сотрудницу кольцовского института — большевичку Д. З. Комиссарук) написали в ОГПУ политические доносы на Четверикова, и именно это послужило реальной основой для репрессий со стороны советских властей.

Ученого выслали на Урал, и в Свердловск он уезжал, провожаемый женой и друзьями, открывшими даже на вокзале бутылку шампанского. Внешне все походило на то, что

Четвериков отправляется не в ссылку, а едет как обычный пассажир (о бутылке шампанского и о провожающих Сергей Сергеевич рассказывал во время одной из наших с ним встреч).

Исходя из этого, он думал до конца жизни, что именно организация закрытого семинара под названием СООР вызвала ярость чекистов. Он даже написал об этом Андрею Андреевичу Бунделю 24 июня 1958 года: «Очень меня порадовало известие о том, что мой хороший друг и ученик Б. Л. Астауров единогласно прошел в члены-корреспонденты Академии наук. Ведь это уже мой второй ученик (после Н. П. Дубинина. — В. С.), прошедший в Академию!

И конечно, моему стариковскому сердцу — это радость и гордость. Вспоминаю я наши СООРы <...> За эти СООРы я очутился в Свердловске и вся моя научная деятельность (и педагогическая) была сломана и втоптана в грязь.

А именно эти наши СООРы сыграли главную роль в научном росте моих учеников и в подготовке их к самостоятельной исследовательской работе.

Ну что же! Русская поговорка говорит: «От тюрьмы и от сумы не отказывайся!», а все-таки какой-то след от моей жизни после меня останется...»

(сб. «Научное наследство», т. 28, стр. 454).

Почему Четвериков не получил должного признания в мировой науке?

Закончить рассказ о Сергее Сергеевиче Четверикове я хочу простой мыслью. Когда сегодня мы изучаем жизнь и труды таких людей, как С. С. Четвериков, и сравниваем их с деятельностью гонителей и хулителей генетики, и прежде всего Т. Д. Лысенко с армией его приспешников, мы убеждаемся, что прославление советскими властями лысенок лишь говорило о падении нравов в советской империи и втоптывании в грязь самого имени этой советской системы. И если кто и спас репутацию русской науки в глазах мировой науки, то такие люди, как Четвериков, сохранявшие достоинство настоящего ученого во все годы испытаний.

Еще одно замечание касается того, как могло случиться, что имя Четверикова в течение десятилетий оставалось в забвении. В этом случае мы сталкиваемся с хорошо известным многим историкам феноменом: далеко не редким распространением идей в отрыве от их первоначальных авторов. В редчайших случаях происходит то, что случилось с Иоганном Грегором Менделем, который обосновал главные закономерности наследования, но так и умер не признанный современниками, попросту не понявшими величия его выводов. А затем, в 1900 году, через 35 лет после публикации статьи Менделя, трое ученых — де Фриз, Корренс и Чермак — пришли к аналогичным с Менделем выводам, обнаружили, что он высказал их гораздо раньше, и отдали должное гению предшественника. Высочайший моральный уровень троих ученых не позволил имени Менделя исчезнуть из памяти человечества навсегда. Его имя снова всплыло на поверхность из небытия и теперь уже навечно засияло на небосклоне науки.

А с Четвериковым этого не случилось не только потому, что Фишер и Райт предпочли не пропагандировать своего предшественника, но и потому, что советские власти отлучили Сергея Сергеевича от науки, арестовали в 1929 году по ложному политическому обвинению и сослали на Урал. Возведение железного занавеса лишило СССР приоритета во многих областях. Из-за того, что Четвериков не смог бывать на международных конференциях, публиковаться в признанных мировой наукой изданиях, не рассказывал о своих достижениях коллегам, его работа так и оставалась до 1970-х не изданной на английском языке и долгое время неизвестной ученым Запада. В результате русская наука потеряла то, что имела.

Приезд Тимофеева-Ресовского в Москву

По возвращении из Миассово мы много рассказывали на кафедре и преподавателям, и студентам о своих впечатлениях от этой поездки. Симон Эльевич Шноль в своей знаменитой книге «Герои и злодеи российской науки», вышедшей двумя тиражами — в 1997 и 2001 годах (последнее издание имеет название «Герои, злодеи, конформисты российской науки»), подробно написал об этой поездке: «Николай Владимирович сыграл выдающуюся роль в восстановлении истинной биологии в стране и особую роль в становлении нашей кафедры биофизики на физическом факультете МГУ. Непосредственным знакомством с ним мы обязаны Валерию Сойферу <...> Сойфер разыскал в Горьком всеми заброшенного, немощного, слепого Сергея Сергеевича Четверикова — учителя Николая Владимировича, еще в 1929 году изгнанного из МГУ за «меньшевистствующий идеализм» <...> Сойфер опекал и как мог скрашивал его жизнь. От Четверикова он узнал о Тимофееве-Ресовском <...> Рассказы Сойфера увлекли студентов первого выпуска нашей кафедры, и они поехали в Миассово (все эти люди — сегодня известные своими трудами профессора, определяющие лицо нашей науки)» [6].

Через некоторое время после нашего возвращения из Миассово, когда уже начался учебный год в университете, Николай Владимирович приехал в Москву и выступил с огромным успехом с лекцией на нашем факультете. Большая аудитория была буквально запружена студентами, слушавшими его с исключительным вниманием.

На следующий день академик И. Е. Тамм поехал с Тимофеевым к президенту АН СССР А. Н. Несмеянову. Как мне рассказывал Тамм, главное, что попытался донести президенту гость с Урала, заключалось в необходимости срочного создания в системе Академии наук СССР специализированного и мощного института охраны природы (или экологии). Он повторил Несмеянову основные положения тех лекций о вреде загрязнения природы, которые читал всем приезжавшим в Миассово. Он отлично знал предмет, хорошо продумал всю проблему в целом, и, как мне сказал Тамм, все изложенное произвело на Несмеянова огромное впечатление. Тогда еще необходимостью срочного и детального мониторинга за сохранностью природы никто всерьез не был озабочен даже на Западе, и создание специализированного института проблем охраны природы было бы чрезвычайно важно для страны и для советской науки. Но в ЦК партии имя Тимофеева-Ресовского рассматривали только с идеологических позиций и обзывали его предателем родины. Из этой инициативы ничего не вышло, страна не прислушалась к мудрым призывам ученого и многое потеряла. Только полувеком позже будут приняты Киотские протоколы, получит Нобелевскую премию мира Альберт Гор... А ведь то, что стало знаменем «зеленых», за что бьются многочисленные инвайронменталисты, было отлично и даже более точно сформулировано еще тогда Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским. Однако чиновникам из ЦК партии коммунистов хватило политических ярлыков, чтобы отвергнуть его страстный и очень обоснованный призыв.

Единственное, что ему удалось сделать, — это зародить в душах его учеников и последователей, таких как Алексей Владимирович Яблоков, эту страсть к борьбе за охрану природы в России и в масштабах всей планеты. Дважды Альберт Гор говорил мне, как он уважает Яблокова за его бескомпромиссность и за его феноменальные знания в этой области.

Но вернусь к рассказу о том приезде Тимофеева-Ресовского в Москву. Его друзья и, насколько я знаю, главным образом Б. Л. Астауров, который уже был тогда членом-корреспондентом АН СССР, убедили В. А. Энгельгардта, который незадолго до этого был академиком-секретарем отделения АН СССР, возбудить ходатайство о присуждении Тимофееву-Ресовскому ученой степени доктора биологических наук по совокупности его признанных во всем мире научных открытий. К этой идее очень сочувственно отнесся тогда

Тамм, и вместе с Энгельгардтом они направили соответствующее представление в ВАК СССР. Но снова политические наветы и ложь из КГБ и ЦК КПСС отбросили эту инициативу.

Только в 1964 году Тимофеев-Ресовский смог переехать ближе к Москве, стал старшим научным сотрудником Института медицинской радиологии в Обнинске. В следующем году в Чехословакии ему присудили международную медаль Грегора Менделя. В положении о ней было сказано, что ее присуждают за выдающийся вклад в науку. Чтобы получить медаль, Тимофеев-Ресовский должен был приехать в чешский город Брно, где по этому случаю традиционно устраивали международную конференцию, он должен был выступить с лекцией, за ним выступили бы другие ученые, кто также сделал что-то важное в этой области. Однако выехать из СССР ему не разрешили. Тимофееву позвонили из посольства ЧССР и пригласили приехать за медалью. Он поехал в сопровождении Ж. А. Медведева, ожидая, что хоть какая-то приличная, дипломатически цивилизованная процедура вручения международной награды будет соблюдена. Но внутрь посольства «храбрые» чешские дипломаты его не пустили, а встретили под аркой во дворе, сунули футляр с медалью и папку с дипломом о награждении, и «церемония» была завершена.

(В 1995 году меня также наградили этой медалью, и я узнал, какой торжественной и памятной могла бы быть процедура ее вручения, как это могло поддержать дух Тимофеева, придать новый импульс в работе, но коммунистические функционеры и в СССР, и в ЧССР тогда мыслили однотипно.)

Вскоре ему предоставили возможность прочесть курс лекций по популяционной генетике в Московском университете. Я поехал с ним на первую лекцию и убедился в том, как с первых фраз студенты и студентки биофака были покорены тем, как и что лектор говорил им, какие глубокие и далеко идущие обобщения он делал. Но некоторые из его высказываний были, конечно, совершенно необычными для слушателей, да и, пожалуй, опасными для него самого. Так, он развил свой привычный тезис о том, чем не следует заниматься ученым: «К науке нельзя относиться со звериной серьезностью. Как можно всерьез рассматривать дамочку, которая всю жизнь изучает сорок первую ножку сороконожки!»

Разумеется, студенты тут же расценили эти слова как порицание многих преподавательниц биофака, занятых именно такими «исследованиями». Прибег он и к словесным формулам, которые были опасными в политических условиях тех лет. Например, во вводной лекции он стал рассказывать о роли популяций в эволюции и сделал такое введение: «Что такое популяция и ее ареал? Нельзя рассматривать популяцию как собрание особей, равномерно распределенных по ареалу. В Москве человек много. В Горьком также человек много. Между Москвой и Горьким располагаются местности, именуемые колхозами, из которых человеки по преимуществу удрали».

По окончании первой лекции я приехал к Борису Львовичу Астаурову домой, рассказал об успехе лекции Тимофеева-Ресовского и, конечно, передал, стараясь подражать голосу и мимике Николая Владимировича, приведенные выше фразы о популяциях. От этого рассказа Астауров пришел в ужас. Он буквально закричал: «Боже! Что теперь будет! Мы с такими трудами смогли договориться о чтении Николаем Владимировичем лекций в университете, а он так неосторожен в своих словах!»

Последний раз я встретился с Николаем Владимировичем в 1975 году, когда в СССР приехал известный шведский генетик Оке Густаффон. Я его принимал с советской стороны и уговорил президента ВАСХНИЛ П. П. Лобанова устроить встречу шведского гостя с Тимофеевым-Ресовским. Лобанова такое предложение заинтересовало: он слышал о Николае Владимировиче и захотел сам принять участие во встрече. Сопровождаемый Алексеем Владимировичем Яблоковым Тимофеев приехал в старинное здание Президиума ВАСХНИЛ в

Большом Харитоньевском переулке, где беседа продолжалась часа полтора. Николай Владимирович несколько раз буквально шокировал Лобанова своими неординарными высказываниями. Например, в какой-то момент он заявил, что ученые лишь сидят на шее народа и едят понапрасну не заработанный ими хлеб. Лобанов запротестовал, но Тимофеев, не соблюдая никаких приличий (чем он и вызывал всегда почтительное к себе отношение людей понимающих и чутких, каким Павел Павлович Лобанов, по моему глубокому убеждению, был), перебил президента академии и, рубя воздух ладонью мощной руки, заявил:

— Более или менее заслуженно платят деньги балерунам, циркачам и шоферам-таксистам, а мы, ученые, получаем деньги зазря.

Поразило меня при той встрече, что он предпочитал не говорить по-английски, а требовал, чтобы его переводили. Он, правда, придирчиво следил за тем, как официальный переводчик излагает его слова по-английски, тут же замечал, когда толмач перевирал смысл им сказанного, и подсказывал, как перевести правильно его слова, но сам выражать свои мысли по-английски не мог или не хотел, чтобы не давать повода гэбистам считать, что он вырывается из-под их контроля.

Когда встреча уже завершилась и мы вышли из зальчика иностранного отделения ВАСХНИЛ, где Лобанов распорядился ее проводить, в фойе на втором этаже здания Тимофеев ухватил Густаффсона за фалды пиджака и стал ему говорить (с трудом подбирая слова), что он устал жить, что после смерти жены собственная жизнь кажется ему зряшной и ненужной. Он заплакал при прощании и, не вытирая слез, только приговаривал: «Хочу к Лёльке», «I want to be with Lyol'ka».

Вашингтон, США

Апрель 2008 г.

[1] Эта открытка утрачена, возможно, в Архиве РАН хранится копия текста, посланного мне.

[2] Сб. «Научное наследство», т. 28, стр. 458.

[3] Сб. «Научное наследство», т. 28, стр. 460.

[4] Сб. «Научное наследство», т. 28, стр. 336-337.

[5] Четвериков С. И. Невозвратное прошлое. М., «Территория», 2001.

[6] Из кн.: «Герои, злодеи, конформисты российской науки». М., «Крон-пресс», 2001, стр. 215-216..